

ВЕКА И ДНИ

МОСКВЫ МОЕЙ

ВСЕ ПРАВИТЕЛИ МОСКВЫ

1917-2017

Коллектив авторов

Все правители Москвы. 1917–2017

«Алисторус»

2016

УДК ^а354
ББК 66.3(0)

Коллектив авторов

Все правители Москвы. 1917–2017 / Коллектив авторов —
«Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906861-79-5

Эта книга о тех, кому выпала судьба быть первыми лицами московской власти в течение XX века – такого отчаянного, такого напряженного, такого непростого в мировой истории, в истории России и, конечно, в истории непревзойденной ее столицы – городе Москве. Авторы книги – историки, писатели и журналисты, опираясь на архивные документы, свидетельства современников, материалы из семейных архивов, дневниковые записи, стремятся восстановить в жизнеописаниях своих героев забытые эпизоды их биографий, обновить память об их делах на благо Москвы и москвичам. Воссоздаются живые портреты главных начальников столицы, которые не только работают и размышляют, но любят, разочаровываются, ошибаются... Так писать о личной жизни государственных деятелей раньше было не принято. В советское время имена некоторых из них были под запретом, или даже стерты из людской памяти. Эта книга – о тех, кто руководил Москвой, отдавая ей силы, опыт и умение, а также о тех, кто руководит ею сегодня.

УДК ^а354
ББК 66.3(0)

ISBN 978-5-906861-79-5

© Коллектив авторов, 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Сто лет свершений и надежд	6
Часть первая. Две войны. Две революции. Ветер свободы. Победа большевиков. НЭП. 1917 – 1926	10
Наталья Филаткина. Несозвучный эпохе Михаил Васильевич Челноков	11
Литература	24
Николай Митрофанов. Гамбит доктора Кишкина. Николай Михайлович Кишкин	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Полятыкин

Все правители Москвы. 1917–2017

© Полятыкин М.А., автор-составитель, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Сто лет свершений и надежд

От составителя

Читатель славный! С этой книгой ты не просто будешь предаваться новым чувствам. Старики вспомнят, а молодые узнают о том, через какие испытания прошла наша любимая страна, а вместе с ней и Москва за последние сто лет истории, какие эксперименты ставили власти над своим народом и какие ставят сейчас, как они аукиваются в жизни каждой российской семьи. Сто прошедших лет принесли нашей стране – не в последнюю очередь из-за деспотического, некомпетентного и неумного управления – три революции, три известные разрушительные войны и неизвестно широкой публике сколько еще локальных войн в разных точках планеты. Мы пережили несколько периодов с карточной системой и талонами на самое необходимое, индустриализацию, коллективизацию, электрификацию, химизацию, интенсификацию, блокализацию, изоляцию, а теперь вот дожили даже до импортомистификации.

Сделай еще одно усилие над собой и начни читать эту книгу, коль скоро ты уже открыл ее на первой странице. Уверен: прочитав заглавный очерк о московском городском голове М.В. Челнокове, ты захочешь прочитать и последний – о нынешнем мэре Москвы С.С. Собянине.

Под одной обложкой у нас уместился спрессованный отрезок времени величиной ровно в сто лет – от революционных событий 1917 года до нынешних непростых дней. Прошедший век – один лишь миг в истории мироздания, но, сколько вместил он великих потрясений в стране, свершений государственных деятелей на вершине московской власти, несбывшихся надежд и разочарований простых людей.

Мы расскажем о каждом главном лице в Москве: от февраля 1917 года до наших дней. О некоторых из них вы прежде вообще не слышали – их имена были преданы забвению официальной пропагандой и историографией, а, если и упоминались, то исключительно с отрицательным комментарием, как, например, Н.М. Кишкин в СЭС 1989 года издания.

Авторы книги – историки, писатели и журналисты – нашли архивные документы, дневниковые записи, собрали свидетельства современников о тех выдающихся личностях, которые возглавляли столичную власть на протяжении прошедшего столетия. Они управляли Москвой, и в силу этого, всегда были на переднем крае – на виду у руководителей страны, которые зорко следили за каждым их шагом. Присмотреть за Л.Б. Каменевым велел Ежову вождь всех времен и народов, он же дал команду позже расстрелять его и К.В. Уханова; Н.С. Хрущев сослал авторитетных руководителей Москвы И.И. Сидорова – послом в Польшу, а Г.М. Попова – директором завода в провинцию.

Притом, что все эти деятели были детьми своего времени и вместе со страной пережили потрясения и катаклизмы революций и войн, стремясь, в меру своих сил и возможностей, смягчить удары политической стихии и хозяйственных неурядиц на население Москвы. Многие им удавалось сделать, но довольно часто их усилия не находили понимания наверху, а идеи падали жертвами государственной машины, ведомой ненасытными большевиками – им всегда было мало власти.

С самых первых своих деяний на троне они узурпировали власть, отняли ее у Советов, изгнали из них представителей других партий, которые, между прочим, помогали им свергнуть самодержавие. Таким образом, название «советские» в наименовании республик и государства – «СССР» – не отражало фактического политического устройства великой страны. Потому, что Советы были, а реальной власти у них не было. О чем говорить, если председатель Исполкома Моссовета должен был испрашивать разрешения на выезд за границу у первого секретаря горкома партии. А там его еще и «пасли» доблестные филеры ГПУ-ВЧК.

Читайте книгу. Вы узнаете об энтузиазме масс в дни февраля 1917 года, о всеобщем ликовании по поводу свержения монархии, о проснувшихся надеждах москвичей на лучшую жизнь и обустройство быта. Бескровная февральская революция в Москве стараниями большевиков переросла в кровавый октябрь и, разразившуюся затем, гражданскую войну, голод, холод и разруху – 133 грамма хлеба выдавали в Москве по карточкам, а на дверях магазинов пестрели объявления: «хлеба нет, и не будет».

Большевики поджигали москвичей: дескать, буржуи-мироеды во всем виноваты – даешь новую революцию и власть Советам! Одновременно они украли у левых эсеров, которые пользовались заметным влиянием в деревне, лозунг «Земля – крестьянам!», что в конечном итоге помогло набрать большинство в советах и призвать население на борьбу с Временным буржуазным правительством.

А буржуй Н.М. Кишкин, представлявший в то время верховную власть в Москве, жилы рвал, чтобы вывернуться из этого положения, проводил рейды по складам, ревизии, реквизировал излишки продовольствия, арестовывал спекулянтов, строчил распоряжения, указы, призывы к населению города, постановления, пытаясь сохранить порядок и спокойствие. И он не был большевиком – он был кадетом.

В.В. Руднев был эсером, В.П. Ногин – большевиком, но не ортодоксальным; вполне умеренными были П.Г. Смидович и М.Н. Покровский. Другие тоже были коммунистами, но всех их объединяло одно общее дело – они стремились служить Москве и москвичам, воплощая в жизнь слоган В.Ф. Джунковского: «Не население существует для власти, а власть для населения».

Воплотить в жизнь такой благородный призыв было невероятно трудно руководителям на всех постах, в том числе, и на самом высоком в городе Москве. В основном, в силу авторитарного, жесткого и жестокого стиля руководства лидеров государства – И.В. Сталина, Н.С. Хрущева; деградирующего – Л.И. Брежнева; бездарного – М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Однако, несмотря ни на что, Москва жила и развивалась.

Ее лидеры боролись с голодом и разрухой в периоды обеих революций, восстанавливали угробленное городское хозяйство после обеих войн, поднимали промышленность, строили жильё с инфраструктурой вместе, реформировали административное управление, добились настоящих великих свершений во имя светлого будущего, которое, почему-то, все не наступало и не наступало. Несмотря на поистине титанический труд первых лиц московской исполнительной власти. Нет его на горизонте и сегодня, хотя говорили о нем очень красиво после очередной революции.

И Сталин, и Ельцин заняли свои неразменные посты тоже после революций, которые, как известно, все заканчиваются одинаково – они приводят к власти новых людей, принося страдания и лишения простому народу. Потому, что эти новые поднимают массы, выводят на площади и баррикады с единственной целью – встать самим у кормила власти, чтобы иметь для себя, своих присных и ближайших соратников вдоволь воды и еды, то есть самого главного в жизни.

Вода и еда могут материализоваться во дворцах на Лазурном Берегу, яхтах, самолетах, футбольных командах и прочей муре, о чем предупреждал рабочий класс сам основатель «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» г-н Г.В. Плеханов. Он утверждал, что после того, как рабочие помогут страждущим взять власть, они сами ничего не получают, все блага достанутся тем, кто их использует в этой борьбе.

Революционеры ленинского призыва захватили власть с помощью рабочих и солдат, чтобы принимать ванны из шампанского, получать к обеду с пайком на двоих полкило масла и полкило черной икры, палить из «духовушки» в потолки своих квартир в часы веселья, кататься на велосипедах посреди своих апартаментов, распоряжаться безнаказанно судьбами и самими жизнями других людей.

Читайте книгу. И убедитесь в том, что история повторяется один в один, или точь-в-точь, как проекты на телевидении. Буржуазная революция 1917 года повторилась в лихие 90-е – чистая копия тогдашних разброда, развала, анархизма. Те же пустые полки магазинов накануне, нищее население, разве что обнищавшее не в результате войны и разрухи, а вследствие бездарного руководства страной и непримиримой сначала подковерной, а потом и на ковре, борьбой за власть.

За этими деревьями правители страны не увидели леса, а именно – односторонности развития народного хозяйства. К концу 1970-х годов промышленное производство по сравнению с 1913 годом выросло в 177 раз, а сельское хозяйство – в 3,4 раза, отсюда пустые полки продовольственных магазинов, куда каждый обыватель ходит каждый день. Лозунг «нефть и газ продадим, а все, что надо, купим» сыграл со страной злую шутку и продолжает играть.

В результате второй буржуазной революции в 1989 году к власти пришла не буржуазия, а нищая демократическая прослойка интеллигенции, разбавленная партократами, которые считали себя сильно обиженными, обделенными привилегиями и полномочиями. И, конечно, пирогом власти, которую всегда можно обменять на воду и еду. Что, в конце концов, и произошло. «Демократы», заняв со временем ключевые посты в государстве, поделили народную собственность, приватизировали, разворовали, продали на металлолом лучшее оборудование лучших заводов. Наевшись, они вернули власть коммунистам, – верным продолжателям дела Ленина-Сталина, – которые трансформировались через «Единство» и «Отечество» в «Единую Россию».

Недра, заводы, фабрики, трубы с нефтью и газом, металлургию черную и цветную, деревообработку захватили расторопные люди, получившие престижное нарицательное имя «олигархи», которые ничем не лучше дореволюционной 1917 года буржуазии, а, может, и много хуже. Потому, что тогдашние в казну приносили, а нынешние – выносят. Г-н Чубайс выносит из казны каждый финансовый год миллиарды, в виде убытков, а на свой личный счет приносит за это же время не менее 200 млн. рублей.

Самый дорогой актив – землю – получили отнюдь не крестьяне, ее скупили новые латифундисты. Один только бывший мэр Москвы Ю. Лужков прихватил в Калининградской губернии 5 тысяч гектаров, разводит кроликов и сокрушается по поводу упадка земледелия в стране.

Читайте книгу. И вы узнаете, что городской голова А.Н. Алексеев строил в Москве на свои деньги школы, больницы, богадельни, а Ю. Лужков, напротив, – умыкнул из городской казны 13 миллиардов рублей – и нормально себя чувствует. Правда, говорят, не сам умыкнул, а с помощью супруги, дорогой Елены Николаевны, и своего карманного банкира Бородин, сбежавшего с казной «Банка Москвы» на берега туманного Альбиона, где в этом самом тумане его никак не могут найти. Скорее всего потому, что по взаимной договоренности с теперешними властями, никто его не ищет.

Беглые банкиры, беглые чиновники, воровство из бюджетов всех уровней, которое вскрывается, – а сколько не вскрыто – говорят о падении нравов и утрате моральных ценностей в стране. Уходя с поста председателя Исполкома Моссовета, В.Т. Сайкин заявил, что не может работать в атмосфере всеобщего расхитительства. Наступила в головах настоящая разруха – деньги из меры труда превратились в меру потребления, престижно стало не зарабатывать, а тратить.

Вылупившиеся из лабораторных пробирок после последней революции управленцы, никогда прежде ничем и никем не управлявшие, кроме, разве что своих жен – да и то не всегда, как тот же патриот Германии, Горбачев – лихо взялись рулить таким кораблем, как Россия. Посадили на мель, разбежались, прихватив корабельное имущество. Команда с новым капитаном вывела судно на большую воду – и успокоилась. Трюмы битком, море тихое, впереди только кисельные берега. Ошиблись. Или просто не знали, что на любом корабле только еже-

дневный тяжелый труд помогает сохранить ему остойчивость, плавучесть и безопасность плавания.

Обещанные еще в начале прошлого века блага, люди ждут уже целый век, но пока так и не дождались. Обыватели не дождались власти Советов, рабочие – фабрик и заводов, крестьяне – земли, граждане – свободы. За что боролись? А за то, чтобы нынешние власти под предлогом усовершенствования ликвидировали бесплатную медицину, под предлогом интенсификации – зарубили народное образование, обобрали пенсионеров и инвалидов. И все это происходит под непрерывный аккомпанемент словоречения о неприкосновенности статей расходов на социальные нужды.

Никто не решается прямо сказать: граждане пенсионеры, инвалиды, убогие и нищие! Денег в бюджете нет и взять их неоткуда. Если забрать у олигархов, то завтра нам не на что будет проводить выборы и придется оставить насиженные места в парламентах и правительственных кабинетах. Кроме того, наши министры-капиталисты лишатся средств на карманные расходы, а они к ним уже привыкли.

Если деньги отобрать у банкиров – рухнет вся финансовая система, начнется хаос в экономике и вообще, наступит полный абзац. Поэтому, вместо 12 процентов индексации вы получили 4, инвалидам и ветеранам мы скостили льготы, втихоря – как бы там накануне общественность не бесилась – ввели лимиты на коммунальные расходы – и так, глядишь, прорвемся. Надо потерпеть. Совсем немного. Еще лет сто.

Потерпим... Прошли первые сто лет надежд и разочарований, подождем еще. Надежда умирает последней.

Читайте книгу. Она рождалась в творческих муках и написана неравнодушными профессионалами. Живое и деятельное участие приняли сотрудники мэрии Москвы, городских учреждений и организаций, министерств и ведомств, Мосгорархива, Центрального исторического архива, Центрального муниципального архива, Центрального архива общественных движений, Музея истории Москвы, Российской Государственной библиотеки, Государственной публичной Исторической библиотеки – мы искренне благодарим всех, кто принял участие в этом нелегком труде, низкий вам поклон, москвичи.

И последнее. Эта книга – своего рода заключительный, третий том творческого проекта составителя под общим названием «Века и дни Москвы моей. Из истории Московской власти». В силу сложившихся обстоятельств на реализацию задуманного ушло больше 15 лет – первый том под названием «Москва. Путь к империи. 1147-1703» А.П. Торопцева вышел в начале 2000 года; второй – «Императорские наместники первопрестольной. 1709-1917» В.Н. Балязина появился следом. Теперь у вас в руках последний том, и вся высшая московская власть за последние сто лет у вас на ладони, изучайте ее.

Читайте эти книги! Это увлекательное чтение...

Михаил Полятыкин, заслуженный работник культуры РФ

Часть первая. Две войны. Две революции. Ветер свободы. Победа большевиков. НЭП. 1917 – 1926

Михаил Васильевич Челноков

Николай Михайлович Кишкин

Вадим Викторович Руднев

Виктор Павлович Ногин

Михаил Николаевич Покровский

Петр Гермогенович Смидович

Лев Борисович Каменев

Наталья Филаткина. Несозвучный эпохе Михаил Васильевич Челноков

Это был коренной русак, органически сросшийся с почвой, на которой вырос... И всюду он вносил свои качества проицательного ума, житейской ловкости и слегка скептического отношения к вещам и людям.

П.Н. Милуков

Михаил Васильевич Челноков.

05.01.1863 – 13.08.1935.

На вершине московской власти с 01.03 по 06.03.1917

2 марта 1917 года «во имя спасения России» Николай II отрекся от престола. В своем прощальном обращении к Русской Армии, которое он, как главнокомандующий, собственноручно составил несколькими днями позже, последний российский император писал: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же долг, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников. Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Пала 300-летняя династия Романовых. «...В России так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно, – сокрушился, отменился и угас монархический строй, – писал в эмиграции выдающийся русский мыслитель, ученый, публицист Иван Александрович Ильин, изгнанный из страны в 1922 году. – Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал, и никто тогда не поднял и не развернул упавшего знамени; никто не встал под ним открыто, никто не встал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угасли все священные обязательства монархии – и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было немало, но воля у них была как бы в параличе, и кадры их были рассеяны по всей стране. И началась отчаянная и гибельная авантюра...»

С падением самодержавия пала и Российская империя. Россию ждали тяжелейшие испытания...

Телеграмму Николаю II с требованием отречения послал 2 марта 1917 года председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. По воле сложившихся обстоятельств в ночь на 2 марта распоряжением Родзянко официальным представителем новой власти, комиссаром Временного правительства в Москве был назначен городской голова Михаил Васильевич Челноков. Об этом еще будет идти речь ближе к финалу, а прежде перелистаем страницы его биографии, вспомним о тех событиях, которые прошли через его жизнь, и деятельное участие в которых сделали его личность исторической.

Несколько точных штрихов к портрету Челнокова находим у его современника, соратника по конституционно-демократической партии, историка П.Н. Милюкова: «Это был коренной русак... – вспоминал он, – самородок, органически сросшийся с почвой, на которой вырос. Со своим тягучим, как бы ленивым, ма-а-сковским говорком, он не был создан для ораторских выступлений... и был не совсем на месте в роли депутата Второй Думы; зато он был очень на месте, как «свой», в московской купеческой среде, и всюду он вносил свои качества пронзительного ума, житейской ловкости и слегка скептического отношения к вещам и людям».

О жизнедеятельности Михаила Васильевича Челнокова пока известно немного. Интересные сведения о нем содержатся в воспоминаниях его племянницы Лидии Федоровны Никулиной и ее отца Федора Васильевича Челнокова, которые хранятся в частном собрании А.И. Никулина во Франции, и которые, будем надеяться, когда-нибудь полностью опубликуют. Во время пребывания во Франции автору удалось получить с согласия владельца копию воспоминаний Л.Ф. Никулиной, содержащих ценные материалы к биографии М.В. Челнокова.

Есть также небольшая глава в воспоминаниях – «Записках» Михаила Васильевича Сабашникова о встрече с М.В. Челноковым в Московской Городской Думе в дни Февральской революции.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится личный фонд Челнокова (Ф. 810), документы которого отражают ряд интересных моментов его жизни и деятельности.

В Москве Челноковы жили в старинном купеческом районе близ Таганки. Их обширная усадьба выходила сразу на две улицы – Воронцовскую и Большие Каменщики. Главный дом под № 14 был расположен торцом к Воронцовской улице в левой стороне участка. Справа и позади него находились многочисленные хозяйственные постройки – конюшни, каретный сарай, коровник, птичник и т. д. За ними простирался большой сад с аллеями, вплоть до улицы Большие Каменщики. В саду было 150 корней фруктовых деревьев – яблонь, вишен, груш, много акаций, живописные клумбы, куртины из мирены, жимолости, жасмина и барбариса. Были тут и полянки ландышей, а липовая аллея была обсажена тюльпанами. В саду – беседка с расписанным узорами парусным сводом, украшенная гравюрами, фонтаны и оранжерея.

Внешне главный дом усадьбы был скромным, но вместительным. На первом этаже находились контора, бухгалтерия, комната управляющего, лакейская, кладовые. На втором этаже помещались столовая, зал, гостиная, кабинет хозяина, спальни, комнаты детей. Был в доме и зимний сад.

Михаил Васильевич родился 5 января 1863 года. Он с детства страдал хромотой, поскольку, еще мальчиком, упал и сильно зашиб ногу. От этого у него развился костный туберкулез, и он был вынужден носить специальный аппарат, поддерживающий ногу. Но, несмотря на это, он был энергичным и жизнерадостным человеком. Не обращая внимания на недуг, он прекрасно ездил верхом, умело управлял яхтой.

Он был человеком, не лишенным честолюбия. Его привлекала политика, он состоял членом кадетской партии. М.В. Челноков настолько серьезно увлекся общественной деятельностью, что отошел от дел, порекомендовав их шурина и братьям. Свыше 25 лет своей жизни он посвятил работе в различных общественных организациях, в том числе в городском управлении Москвы. В 1891 – 1894 годы Челноков являлся председателем Московской уездной земской управы, с 1895 года возглавлял Московскую губернскую земскую управу, в 1897 году избирался гласным земских собраний, был активным участником земских съездов. С 1901 года он состоял гласным Московской Городской Думы, входил в состав многих думских комиссий. Энергичная деятельность Челнокова на этих постах способствовала избранию его депутатом Государственных Дум от Московской губернии.

Напомним коротко об истории создания Московской городской думы. Городская дума в Москве стала главным органом городского самоуправления после утверждения Городского положения 1870 года, определившего систему городского управления по всей России. С 1872 года главным исполнительным органом думы являлась Городская управа, которую возглавлял городской голова (должность городского головы была учреждена еще в 1767 году указом Екатерины II). Глава городского общественного управления избирался на четыре года и утверждался императором. Городской голова вел заседания думы, контролировал выполнение ее решений, являлся ответственным редактором журнала «Известия Московской Городской думы» (в журнале печатались статьи по вопросам городского самоуправления, статистические сведения, материалы о развитии московской промышленности и городского хозяйства, работы

по истории Москвы, редакция помещалась в здании Городской думы: журнал перестал выходить в 1917 году). Должность городского головы была упразднена вместе с Городской думой в ходе Февральской революции, когда прекратили свое существование прежние органы городского управления.

После отставки, в январе 1913 года с поста московского городского головы Н.И. Гучкова долго не могли найти достойного преемника. В результате выборов на этот пост последовательно избирались князь Г.Е. Львов (в начале 1913 года), профессор С.А. Чаплыгин (в марте 1913 года), Л.Л. Катуар (в октябре 1913 года). Однако, ни один из кандидатов не был высочайше утвержден императором Николаем II. Наконец, на этот пост в 1914 году был выдвинут М.В. Челноков, который получил поддержку Государя. Вступив на эту должность 27 ноября, М.В. Челноков вышел из кадетской партии.

Находясь на посту московского городского головы, он не оставлял и целого ряда других должностей. Будучи многолетним гласным Московской городской думы, входил в комитет по устройству в Москве Музея прикладных знаний и был его хранителем, являлся членом Московского губернского по промысловому налогу присутствия и Московского особого по городским делам присутствия, входил в комиссию по разбору и призрению нищих, был попечителем Красносельского Городского 2-го начального мужского училища. Во время Первой мировой войны Челноков, возглавляя Всероссийский Союз городов, был членом Главного комитета Всероссийского земского союза, заместителем председателя Московского Военно-промышленного комитета, непременным членом Императорского Московского комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну.

Деятельность М.В. Челнокова на посту московского городского головы совпала с Первой мировой войной. К сожалению, последовавший за ней катаклизм 1917 года, стер в памяти многих подвиги воинов и колоссальные усилия работников тыла – героические страницы времени, которое современники называли «Вторая Отечественная война». Сложная внутренняя и внешнеполитическая ситуация определили поле деятельности городского головы в этот период, когда Москва стала главным военно-промышленным, медицинским и реабилитационным центром. Сюда прибывали увечные и раненые воины с разных фронтов войны.

Огромный груз забот лег на плечи городского головы. М.В. Челноков решал вопросы, связанные со снабжением армии, с оказанием помощи раненым. С первых дней войны он сумел сплотить представителей всех сословий для самоотверженной работы в пользу русской армии и фронта. В Москве были созданы Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский Союз городов – общероссийские организации либеральных помещиков и буржуазии. Во главе Всероссийского Союза городов М.В. Челноков оставался до апреля 1917 года. Представители обоих союзов выступали за «обновление» состава правительства и введение в него буржуазных деятелей. Их лидеры в дальнейшем принимали участие в разработке дворцового переворота, надеясь, сменой царя и образованием «ответственного министерства» во главе с князем Г.Е. Львовым, не только довести войну до победного конца, но и предотвратить революцию.

Вскоре после начала войны вследствие «слепого» патриотизма в Москве, произошел постыдный немецкий погром. Толпа, к которой примкнул московский обыватель, прошла по городу с пением гимна и портретами царственных особ, громя магазины, принадлежащие лицам немецкой национальности или носившие немецкие фамилии. Были разгромлены кондитерские магазины Эйнема и другие... в том числе – Магазин готового платья на Тверской, одевавший всю московскую аристократию. Из окон магазина выбрасывали охапками готовое платье, которое толпа тут же расхватывала, а со второго этажа грохнуло на мостовую великолепный рояль, который, конечно же, развалился на куски.

Московским градоначальником был в те дни небезызвестный владелец имения Архангельское князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. «Он выехал к месту погрома, но никаких мер не принял...» – вспоминал в своих мемуарах представитель известной купеческой династии Алексеевых-Покровских – Николай Иванович Алексеев.

Порядок в городе был восстановлен только благодаря энергичным действиям городского головы М.В. Челнокова.

На первом же заседании Московской городской думы, созванном после объявления всеобщей мобилизации, было принято постановление: ассигновать из городских средств 1 миллион рублей на организацию врачебно-санитарной помощи армии и 50 тысяч рублей на помощь семьям лиц, призванных на войну. Думе было ясно, что правительству нужна помощь, что оно не сможет справиться собственными силами. Было решено призвать на помощь московское общество и обратиться к нему с призывом о пожертвованиях. Население широко откликнулось на призыв московского городского головы и в городскую кассу стали поступать средства, сверх того, устраивались специальные сборы по городу. От этих сборов с начала войны до 31 июля 1916 года поступило 2248 тысяч рублей. Эта двухмиллионная помощь послужила существенной поддержкой армии и населению.

В Москве началось мощное патриотическое движение. Первой неотложной задачей было – открытие госпиталей. Журнал «Известия Московской городской думы», ответственным редактором которого являлся по своей должности М.В. Челноков, сообщал: «6 августа 1914 года было первое прибытие раненых в Москву, в несколько дней она покрылась сетью госпиталей... С первых же дней были налажены при участии учащихся высших учебных заведений, служащих разных учреждений, артистов театров встречи поездов с ранеными, их питание на вокзалах, распределение по госпиталям. Быстро устроены были громадные распределительные пункты, что спасло население города от занесения эпидемий. Учебные заведения, частные дома, здания различных учреждений, городские богадельни, благоустроенные ночлежные дома, городские училищные здания... отдали часть своих помещений для раненых и быстро приспособлялись к новой потребности, обращаясь в благоустроенные лазареты. Успеху организационного дела чрезвычайно помогало общее сочувствие населения, его живой отклик и готовность дать свои силы, средства и помочь наладить трудное и сложное дело».

В госпитали были преобразованы все городские больницы и учреждения Красного Креста. По инициативе членов царской семьи был организован госпиталь в Петровском путевом дворце на Петербургском шоссе. Вдова бывшего городского головы Москвы – Е.Н. Рукавишниковой отдала свой дом на Большой Никитской «для устройства в нем хирургической больницы, оборудованной по последнему слову медицинской техники. Е.Ф. Шаховская-Глебова-Стрешнева предоставила свое имение Покровское-Стрешнево под лазарет для раненых. А.И. Коншина основала санаторий для увечных воинов в своем владении в Истоминском проезде Петровского парка (ныне ул. 8 Марта, 1). Позже ее душеприказчики, на завещанные ею деньги, начали строительство дома призрения на 200 человек и больницы для увечных воинов в ее владении на Большой Якиманке, 30, а также корпуса для душевнобольных воинов при Алексеевской психиатрической больнице. Под лазарет отдал свой особняк на Трех горах Николай Иванович Прохоров. На свои средства создал лазарет Ф.И. Шалапин, где, в качестве сестер милосердия, трудились его жена и дочери. Открылись лазареты в Московском Английском клубе, при театре К. Н. Незлобина, при Страховом Обществе «Россия» на Лесной улице, 43 (дом не сохранился), при Университете имени А.Л. Шанявского, в Коммерческом училище на Остоженке, в Театральном училище на Неглинной улице, Высших Женских курсах на Малой Царицынской улице (дом 1), Духовной семинарии, ряде мариинских женских гимназий и в казармах. В лазареты были превращены все клиники Императорского Московского Университета, открылся челюстной госпиталь при студенческом общежитии имени великого князя Сергея Александровича (Малая Царицынская улица, 18). Уже через три недели после начала

войны в Москве стало работать 35 госпиталей. А в 1916 году в Москве число госпиталей достигло 1075, через них прошло около 1200 тысяч раненых воинов.

Огромную работу проделал, созданный великой княгиней Елизаветой Федоровной, комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Специально приобретались здания для размещения беженцев из районов военных действий, создано было Убежище для юных добровольцев (Трубниковский переулок, 17 (дом не сохранился)), где к 1917 году проживало 65 юных героев, многие из которых были удостоены георгиевских крестов за храбрость. На Хамовнической набережной, 19, был создан приют для детей погибших родителей. Все свои силы отдавали, работая в госпиталях, сестры милосердия Марфо-Мариинской и других московских общин.

М.В. Челноков обратился к Обер-прокурору Синода с письмом, в котором просил о более деятельном участии монастырей в помощи раненым. В ответ Обер-прокурор уведомил, что все православные обители призваны: расширить содержимые ими лазареты, усилить размер взносов на создание епархиальных лазаретов, расширить деятельность по учреждению приютов для выздоравливающих воинов и детей-сирот, организовать помощь беженцам.

«Для воинов, павших в войну 1914 года и для сестер милосердия Московских общин» по инициативе кн. Елизаветы Федоровны было создано в Москве, в районе села Всехсвятского Братское кладбище (ныне от него уцелел лишь небольшой участок в районе Песчаных улиц). Его устройством ведал особый Попечительный комитет под председательством городского головы М.В. Челнокова. На работы по устройству кладбища Московская городская дума ассигновала в 1915 году 71520 рублей. 15 февраля 1915 года состоялось торжественное открытие этого кладбища в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, военных и гражданских властей, председателей Городского и Земского союзов, консулов иностранных держав-союзниц, гласных Московской городской думы. В дальнейшем тут предполагалось соорудить монумент памяти героев войны.

В пользу раненых воинов проводились спектакли, благотворительные базары и вечера. В декабре 1915 года союз «Артисты Москвы – русской армии и жертвам войны» поставил в известность все театры, клубы, общественные собрания, кружки, благотворительные общества и союзы, отдельных устроителей благотворительных концертов, спектаклей, лекций и тому подобное, что он будет взимать гонорар за выступление членов союза. Сбор гонорара, предназначенного для русской армии, поручался особым доверенным агентам союза. Так, устроенный союзом, вечер в цирке Соломонского дал сбор 9500 рублей.

Москва пестрела плакатами, призывающими москвичей помогать беженцам, подписываться на военные займы в помощь фронту. Многие состоятельные москвичи приняли участие в этой подписке, некоторые переводили свои личные средства из швейцарских банков в Россию на нужды русской армии. Крупные пожертвования сделали Николай Иванович Прохоров и родной брат М.В. Челнокова – Федор Васильевич Челноков. Будучи патриотом своей страны, М.В. Челноков выступал за то, чтобы вести войну с Германией до победы.

Однако положение дел было сложным. Все чаще в военных неудачах винили самодержавие. 18 августа 1915 года Московская дума принимает постановление о «призвании к власти министерства доверия». Москва становится центром либеральной оппозиции самодержавию.

12-14 марта 1916 года в Москве состоялся 4-й съезд Всероссийского Союза городов. На нем выступил М.В. Челноков. «Правительству следует коренным образом изменить прежний прием управления, – говорил он, – немедленно приступить в единении с Государственной думой к осуществлению тех неотложных задач законодательства, на которых объединилось ее большинство. Пусть демократизация местного самоуправления, распространение его на всю Россию... удесятерит силу страны. Пусть к этим земским и городским силам и к силам, работающим с ними рука об руку объединенной промышленности, присоединятся новые, еще неиспользованные силы крестьян деревни, кооперации, рабочего труда и торговли, пусть будет

им дана возможность свободно организоваться для дела обороны и для поддержания нормального хода хозяйственной жизни страны». Далее он отмечал, что в такой напряженный момент в стране должен быть внутренний мир, для чего необходимы полная амнистия за политические и религиозные преступления и равенство перед законом всех российских граждан без различия национальности и вероисповедания. Он также говорил о необходимости развития местного самоуправления – участковых советов, – которые должны избирать исполнительные органы – участковые управы. В своей речи М.В. Челноков подчеркнул, что почти вся городская Россия объединена во Всероссийский Союз городов, что на его долю «выпала главная тяжесть призрения воинов. Работа Союза громадна, но она растет с каждым днем... Союз расширил дело снабжения армии, оказания помощи беженцам, борьбы с заразными болезнями... помощи военнопленным». Челноков говорил и о том, что мешает деятельности Союза, отметив недоверие и подозрительность правительства. И хотя Союз шел с «верой навстречу правительству», его попытки остались безрезультатными. Резолюция Съезда звучала так: «Веря в непреодолимую силу народного единения, 4-й Съезд городов русских призывает всех граждан России в эти великие дни общего испытания сосредоточить все свои помыслы на дружной работе, на помощи нашим доблестным защитникам и на решении всенародных задач, поставленных мировой войной дорогой нашей Родине».

Городское управление Москвы оказывало помощь населению стран, затронутых войной, в том числе Польши, Сербии и Черногории, Галиции. 28 апреля 1916 г. сербский премьер-министр Николай Пашич был принят в Московской городской думе. М.В. Челноков приветствовал его речью: «Мы, русские, мы, москвичи, с благоговением преклоняемся перед подвигом Сербии. Мы чувствуем наш долг перед нею. Мы осознаем лежащую на нас ответственность. Мы, как один человек, исповедуем, что восстановление Сербии – наша обязанность, мы поняли, какую опасность представляет германский милитаризм, и выражаем крепкую уверенность и твердую решимость до конца, до полной победы вести войну в тесном единении с нашими верными, благородными союзниками. Должно быть восстановлено в Европе право и справедливость, и прежде всего, мы обязаны воздать должное многострадальной, героической Сербии. Мы верим, что ей суждено стать объединительницей южного славянства, верим, что Сербия поведет его к славному будущему». По предложению М.В. Челнокова Дума поднесла Пашичу икону св. Георгия и ассигновала в распоряжение Пашича на нужды разоренной Сербии 100 тысяч рублей.

25 октября 1916 года на заседании Московской Городской думы было принято постановление «признать вполне желательным учреждение в Москве Всероссийского Центрального музея Второй Отечественной войны», и поскольку без такого музея невозможно будет со временем восстановить во всей полноте картину общественной работы, народных настроений, масштабы событий на фронте и в тылу, было рекомендовано собирать экспонаты «по горячим следам».

Несмотря на военные тяготы, городское хозяйство Москвы работало слаженно и, по словам самого Челнокова, «Городское управление донесло до революции городское хозяйство, как «полную чашу».

Во время войны Петербург и Москву не раз посещали военные миссии и послы стран Антанты. Нужно было находить общий язык с союзниками. М.В. Челнокову часто приходилось принимать эти делегации. Челноков был хорошо знаком с Робертом Брюсом Локкартом, который с 1912 года служил вице-консулом, а впоследствии генеральным консулом английской миссии в Москве, тем самым Локкартом, который являлся особым сотрудником секретной службы английского правительства, его специальным агентом. В своей автобиографической книге «Мемуары британского агента» он писал: «Челноков – великолепный образец московского купца, – седобородый, патриархальный, широкоплечий, несмотря на свою хромоту, выглядел мужественнее своих соотечественников. Хотя он был на 20 лет старше меня,

мы стали близкими друзьями... и через него я... близко познакомился со всеми московскими политическими деятелями...» За укрепление русско-английских отношений М.В. Челноков был награжден английской звездой Георгия и Михаила, дававшей право на титул сэра. А французы наградили его Командорским крестом Почетного легиона.

Во время работы Челнокова в Государственной Думе и позже Николай II не раз удостоивал его личной аудиенции. М.В. Челноков обладал даром красноречия. По словам Л.Ф. Никулиной, он имел «живой ум и ораторский талант». Она вспоминала, что его речи «были хорошо составлены, ясные, сжатые и эффектные». У Челнокова была любимая поговорка: «Всегда лучше пойти, чем не пойти». Одним из близких друзей М.В. Челнокова был известный адвокат В.А. Маклаков.

Активно занималась общественной, а также благотворительной деятельностью жена М.В. Челнокова – Елизавета Карповна. По воспоминаниям Л.Ф. Никулиной, это была небольшая, хрупкого телосложения женщина, однако она обладала «невероятной добротой и энергией для помощи всем нуждающимся и угнетенным». Все свое время и силы она отдавала служению людям. Была она совершенно вне политики. Помогала не только русским солдатам, но и немецким военнопленным, ссылаемым в Сибирь. Для них она собирала теплые вещи. Е.К. Челнокова состояла попечительницей Сытишинского приюта для новорожденных детей, деятельно трудилась в Московском Городском Попечительном Совете об увечных и больных воинах, который, как известно, возглавлял М.В. Челноков. Заботилась о заключенных вне зависимости от их политических убеждений, оказывала помощь «революционерам, студентам – участникам демонстраций, евреям, попавшимся вне черты оседлости», беженцам-полякам, бельгийцам и тому подобное. Во время Февральской революции, участвуя в разгроме архива охранки, ее сын Василий, по свидетельству Л.Ф. Никулиной, обнаружил имя матери в картотеке, находившихся под надзором полиции. Все, кто помнил Е.К. Челнокову, отмечали ее скромность в быту. Одевалась она просто, в обыкновенное черное платье, которое использовала даже во время приемов иностранных миссий, лишь украшая его шалью или белым воротником, что приводило в шок ее светское окружение. Своей старшей дочери она запретила учиться на врача, мотивируя это тем, что она из состоятельной семьи и будет отбивать у других людей хлеб. Ее дочь Елена работала сестрой милосердия.

Никто в России не думал, что война будет продолжаться более четырех лет, ведь поначалу полагали, что она закончится к Рождеству, даже по расчетам Генерального Штаба война должна была продлиться не более шести месяцев. Во вторую волну мобилизации в 1916 году в армию был призван будущий советский маршал Г.К. Жуков. Оказавшись в Первопрестольной он «на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом, по-прежнему широко и беспечно, жили сынки богачей. Они разъезжали на «лихачах», на шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане «Яр».

Но Г.К. Жуков прав был только отчасти. С начала Первой мировой войны на фронт ушли и дворяне, и сыновья великих князей. В действующей армии и в Отделе фронта Всероссийского Союза городов служили многие купеческие отпрыски.

Потомки купеческой династии золотоканительщиков Юдиных: Петр Сергеевич Юдин за участие в боях был награжден тремя орденами св. Георгия, был тяжело ранен и вернулся в строй только благодаря врачебному таланту родного брата – военного хирурга Сергея Сергеевича Юдина. Служил в действующей армии под командованием генерала А.А. Брусилова и Глеб Сергеевич Юдин. К 1917 году он имел чин прапорщика. Сражались в действующей армии Александр Владимирович Бахрушин, несколько сыновей московского фабриканта-пивовара Михаила Кирилловича Тарусина: Павел, Евгений, Сергей, сыновья ткацкого фабриканта Александра Федоровича Кузнецова: Юрий был военным летчиком, артиллеристом; Андрей – награжденный двумя орденами св. Георгия (он погиб в 1915 году) и Вадим –

получивший золотое оружие за храбрость. В боях под Петербургом он был тяжело ранен, потерял сознание от потери крови, соратники наскоро погребли его в братской могиле, но очнувшись, с перебитой ногой он добрался до своих через линию фронта и был в числе тех пациентов Царскосельского госпиталя, за которыми ухаживали в качестве сестер милосердия дочери Николай П.

В качестве сотрудников Отдела фронта Союза городов служили в армии Михаил Васильевич Сабашников и Иван Николаевич Прохоров – старший сын владельца Трехгорной мануфактуры. С первых дней войны на фронте военным корреспондентом газеты «Русское слово» работал сын Саввы Ивановича Мамонтова – Сергей Саввич. Он умер от воспаления почек в 1915 году.

Племянник Саввы Тимофеевича Морозова – Александр Геннадьевич Карпов возглавил врачебно-питательный отряд, действовавший на Западном фронте, его заместителем был С.П. Рябушинский. В составе Сибирского врачебно-питательного отряда служил с 1914 года Петр Константинович Бахрушин, сын фабриканта К.П. Бахрушина. Другие представители купеческих фамилий проходили курсы офицерской подготовки в военных училищах Москвы.

Особенностью знаменитого московского купечества была широкая благотворительность, они «помнили о ближних, помогали страждущим», поддерживали всякого рода культурные начинания. Третьяковы, Морозовы, Рябушинские, Мамонтовы, Зимины, Сабашниковы, Бахрушины, Гучковы и многие другие – эти фамилии хорошо известны, с ними неразрывно связана история Москвы и отечественной культуры.

...Завершался 1916 год, а война все продолжалась. Трудности и тяготы войны неизбежно повлекли за собой ухудшение экономического положения страны. Ощущались нехватка продовольствия, сырья и топлива. На дверях продовольственных магазинов появлялись безнадежные надписи: «Хлеба нет, и не будет». По воспоминаниям современника М.В. Челнокова Николая Михайловича Щапова (в 1913–1916 годах) – гласного Московской Городской думы, впоследствии доктора технических наук, лауреата Государственной премии: в начале февраля 1917 года в Москве не было хлеба, мяса, подсолнечного масла, никаких запасов муки, молоко, овощи стоили дорого, сахара давали 3 фунта в месяц на человека. Газовый голод (газ давали в квартиры с 11 до 2 часов дня и с 4 до 7 часов вечера), центральные улицы в темноте, но на окраинах было светло, поскольку их только «недавно осветили электричеством», в квартирах холод – дрова стоили 50 рублей сажень. «Голодали те, у кого не было сверхденег, кто не имел свободного времени или прислуги для очередей». Одновременно, в связи с войной, резко ухудшилось положение рабочих. Среднемесячный заработок рабочих в Москве в 1916 году заметно упал по отношению к 1913 году. А цены продолжали расти, а вместе с ними возросло и недовольство рабочих. В 1916 году в Москве прошло 235 забастовок.

Во время войны политическая ситуация в стране обострилась до предела. Меры, принимаемые правительством, были непопулярны во всех слоях общества.

По воспоминаниям П.А. Бурышкина: накануне февральских событий в Москве на квартире М.В. Челнокова состоялось сверхсекретное совещание с участием Астрова (был городским головой после Челнокова с марта по июль 1917 года), С.В. Бахрушина и других, на котором князь Г.Е. Львов высказался о возможности скорого дворцового переворота.

В декабре 1916 года прошли выборы гласных Московской городской думы. «Умеренная» партия и правые силы потерпели сокрушительное поражение. От них было избрано всего 6 гласных, остальные представляли партии прогрессистов, либерально настроенной буржуазии и интеллигенции. Однако, правительство аннулировало результаты этих выборов. Московская городская дума продолжала заседать в прежнем составе. Это очень раздражало верхи московского общества.

В первые месяцы 1917 года произошло новое сокращение производства. Участившиеся в Москве забастовки, сперва носили преимущественно экономический характер, но в дальней-

шем приобрели характер политических. 9 января 1917 года под влиянием социал-демократов по поводу годовщины Кровавого воскресенья в Москве забастовали заводы Бромлея, Михельсона, Доброва и Набгольц, Листа, Цинделя и другие предприятия. В феврале в Москве бастовало 45 тысяч человек.

25 и 26 февраля в Москву доходили слухи о том, что в Петрограде проходят уличные волнения и кровопролития. Но царская семья, казалось бы, не осознавала всей степени уже нависшей над ней и империей опасности. Или смирилась с неизбежностью?..

27 февраля редакции газет по телефону получили сообщение, подтверждающее, что в Петрограде свергли самодержавие и власть перешла к Временному правительству в составе председателя и членов Государственной думы. Новая власть была по преимуществу кадетской. Эта партия состояла из представителей дворянской аристократии, торгово-промышленных магнатов и буржуазной интеллигенции.

Вечером 27 февраля в Городской думе Москвы состоялось заседание прогрессивной группы гласных, представителей московских общественных организаций и рабочих. Было решено создать из представителей Городской думы и общественных организаций Исполнительный комитет и обратиться к населению с воззванием о необходимости организованности и порядка.

На следующий день, 28 февраля, город принял неузнаваемый вид: толпы народа двинулись со всех концов города к зданию Городской думы и вскоре загрохотали Воскресенскую площадь и прилегающие местности. В тот же день забастовали в Москве заводы, остановились трамваи. Отдельные группы солдат и рабочих обезоруживали городских. К полудню были сняты все полицейские посты в городе. Улицы заполнили демонстранты. Митинг, состоявшийся на Воскресенской площади перед зданием Городской думы, проходил под лозунгами: «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует демократическая республика!».

В 5 часов вечера 28 февраля в Москве в Городской думе состоялось совещание гласных. Сюда съехались общественные деятели – гласные думы, представители земства, Городского и Земского союзов, Земгора, кооперативов, Военно-промышленного комитета, Биржи, представители рабочих. «У всех на устах было одно – Государственная дума отказалась разойтись, войска встали на ее сторону. Немедленно был образован Комитет общественных организаций из 150 человек с равным представительством трех групп – ценовой, демократической и рабочей. В ценовую вошли гласные Думы, представители земства и Бирж, в демократическую – представители кооперативов, третьего элемента, Земского и Городского союзов, Земгора, Военно-промышленного комитета, санитарных попечительств, адвокатуры, печати, в рабочую – от профсоюзов и больничных касс. Председателем Комитета был избран Николай Михайлович Кишкин. Комитет этот и принял на себя управление городом и регулирование народным движением. Из его среды был избран Исполнительный комитет в составе 15 лиц, в руках которого и сосредоточилась власть. Вместе с тем, параллельно образовался Совет рабочих депутатов для управления рабочими массами». В 9 часов вечера к новой власти присоединились пришедшие к Думе солдаты.

1 марта в Москве образовался Совет солдатских депутатов. Старые власти вели себя растерянно. Градоначальник генерал Шебеко исчез. Командующий войсками генерал Морозовский отсиживался в штабе. 1 марта он объявил Москву на осадном положении, но это не произвело никакого эффекта. Войска, правда, были выдвинуты в город, но быстро перешли на сторону народа и стали сосредотачиваться вокруг Думы и на Красной площади. Оставшиеся верными правительству, войска заперлись в Манеже и в Кремле. Городовые местами пробовали оказывать сопротивление, но были быстро смяты и рассеяны.

1 марта в Москве не вышли газеты. По просьбе Комитета общественных организаций командование восставшими войсками принял на себя председатель Московской Губернской Земской управы полковник А.Е. Грузинов. Он сосредоточил войсковые части и артиллерию

на Красной площади и без выстрела вынудил к сдаче войсковые части, засевшие в Кремле и Манеже. В то время, как восставшие войска двинулись к центру города, градоначальник распорядился перекрыть мосты через Яузу и Москву-реку. В результате столкновений между сторонниками старой и новой власти в Москве погибло 8 человек. После этого, вечером, полковник Грузинов занял почтамт, телеграф, телефонную станцию и некоторые другие важные объекты – градоначальство, охранное отделение и т. д. К утру 2 марта все было кончено. Февральскую революцию недаром называли «великой, бескровной».

Вечером на Николаевском вокзале был обнаружен и арестован градоначальник Шебеко. Генерал Морозовский был подвергнут домашнему аресту.

Как упоминалось, 2 марта комиссаром Временного правительства по городу Москве был назначен М.В. Челноков. Он пробыл на этом посту всего пять дней – по 6 марта. Но какие это были исторические дни – кардинально менялась власть в стране!

2 марта народ освободил из Бутырской пересыльной тюрьмы 326 политзаключенных. Люди сбивали с них ножные кандалы. Освобожденных размещали в лазарете Университета имени Шанявского, снабжали одеждой, бельем, денежными пособиями.

3 марта газеты опубликовали программную декларацию Временного правительства, в которой говорилось: «В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

- 1) Полная и немедленная амнистия по всем делам, политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

- 2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

- 3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

- 4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

- 5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

- 6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования.

- 7) Нерасоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

- 8) При сохранении строгой дисциплины в строю и при несении военной службы – устранением для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

М.В. Челноков начал проводить в жизнь решения Временного правительства в Москве. По его приказу была отменена цензура, объявлена амнистия политическим заключенным, начали выходить несколько новых либеральных изданий, легализована деятельность политических партий.

4 марта на Красной площади состоялся смотр-парад войск Московского гарнизона, как сообщалось в газетах, «первый, в условиях новой русской жизни». Сечение народа было огромным. Люди даже занимали места на крышах Верхних торговых рядов, Исторического музея, на деревьях вдоль Кремлевской стены. Центром торжества был памятник Минину и Пожарскому. Он выглядел необычно. В руке князя Пожарского – красный флаг с надписью: «Утро свободы сияет светлым днем». У памятника разместилось духовенство, синодальный хор, хоругви. На площадь выехал конный кортеж: главнокомандующий войсками Московского гарнизона А.Е. Грузинов, чины штаба, командующий парадом начальник Александровского военного училища генерал-лейтенант Геништа. Обезд войск А.Е. Грузинов начал с юнкеров. Он обратился к юнкерам со словами: «Вы первые пришли ко мне – спасибо вам! Да здрав-

ствуется свобода! Да здравствует новый строй! Ура!». В ответ прозвучало могучее «ура» юнкеров. После объезда войск состоялся молебен. Протоиерей Константин Розов провозгласил «Многая лета» русскому народу и воинству.

Во время молебна в небе парили аэропланы. Один из них сбросил три красных флага. По окончании молебна звучал гимн «Боже, Царя храни!». Оркестры играли «Коль славен». Командующий обратился с речью о том, что народ победил в тылу и должен взяться за работу, чтобы одержать победу на фронте. В заключении Грузинов высказал надежду, что «с завтрашнего дня Москва окончательно примет обычный нормальный вид» и восторжествует порядок.

На параде присутствовали М.В. Челноков, и председатель исполнительного комитета Н.М. Кишкин. Войска в течение более чем двух часов проходили по площади торжественным маршем.

Утром того же дня на Арбатской площади состоялся митинг памяти жертв революции, где М.В. Челноков выступил с речью. Был организован кружечный сбор в пользу семей погибших. Процессия двигалась через весь город. Павших похоронили на Братском кладбище Москвы.

В воскресенье, 5 марта Комитет Общественных организаций и Совет рабочих депутатов пришли к соглашению о восстановлении 6 марта работ на фабриках и заводах, предприятиях и учреждениях. С понедельника всюду на заводах начались работы.

6 марта в Комитет Общественных организаций было сообщено, что накануне М.В. Челноков сделал заявление в Исполнительном комитете об отказе от должности комиссара города Москвы, на которую был назначен председателем Государственной думы, а не избран собранием представителей общественных организаций. М.В. Челнокову от лица собрания была выражена благодарность «за истинно-гражданскую постановку вопроса». На должность комиссара был избран Н.М. Кишкин, о чем было срочно сообщено в Петроград председателю Совета министров, который и утвердил это.

Формально М.В. Челноков еще оставался городским головой Москвы. Срок его пребывания на этой должности истекал 28 марта 1917 года. 7 марта под председательством М.В. Челнокова состоялось первое собрание Городской думы в новом составе, которое приняло следующую резолюцию: «Московская городская дума на грани новой жизни, в которую вступила освобожденная, обновленная, могучая Россия, приветствует наступление свободы и нового порядка, вместе со всей Россией и доблестной армией, участвуя в освобождении народа. Московская дума непоколебимо верит, что народ и его армия в единении с нашими союзниками увенчают победой великую борьбу народов, и что народ на свободно созванном Учредительном собрании установит новые формы устройства Государства Российского, обеспечивающие свободу и права граждан. Московская дума выражает свое горячее приветствие Временному правительству и верит, что оно вместе с народом приложит все силы и разумение к обеспечению победы и скорейшему созыву Учредительного собрания. Москва шлет свой земной поклон героическим войскам, защищающим Россию, ее честь, ее свободу, ее будущее. Она шлет свой горячий привет рабочим, солдатам и офицерам, дружными усилиями которых бескровно совершился великий переворот. Московская городская дума запечатлеет на страницах истории древней Москвы славные имена граждан, совершивших подвиг в дни бескровного переворота. Москва с трепетной радостью ожидает возвращения борцов за свободу и права народов и примет достойное участие в обеспечении увечных воинов нашей великой и славной армии, которая, защищая Родину, завоевала свободу. Заканчивая исторический период цензового устройства местного самоуправления, Московская дума до созыва новой Думы на основах всеобщего избирательного права готова неустанно работать в деле создания новых форм правления и согласовывать свою деятельность с вновь возникшими органами.

Московская дума верит, что в Москве установится твердый порядок, обеспечивающий развитие свободного труда свободных граждан».

На заседание Думы прибыли министр юстиции А.Ф. Керенский, командующий войсками А.Е. Грузинов, обратившиеся к гласным с воодушевленными речами. Дума горячо приветствовала их. Из постановлений Думы было ассигновано 200 тысяч рублей в помощь пострадавшим от борьбы за народную свободу и 200 тысяч рублей на подарки для армии.

По предложению городского головы поручено Управе со служащими городского управления разработать вопрос об удовлетворении нужд служащих, а вместе с выборными от рабочих обсудить, какие общественные учреждения должны быть созданы для рабочих. Дума постановила передать городу Электрические предприятия Общества 1886 года и предприятия Телефонного общества. В начале марта начались реформа гражданского управления Москвы, замена полиции народной милицией.

14 марта состоялось второе заседание Городской думы. На нем присутствовал Обер-прокурор Синода В.Н. Львов. Челноков просил его передать Временному правительству, что Москва окажет поддержку его деятельности, отметив, что в Москве живо религиозное чувство. В.Н. Львов заявил, что считает необходимым очистить духовенство от таких элементов, которые являлись прислужниками старого строя, а не служителями веры и истинной церкви, и ждет от духовенства и общественных организаций помощи в этом деле.

В России началось время двоевластия, которое глава Временного правительства Г.Е. Львов охарактеризовал как «власть без силы» и «сила без власти». В начале марта в Москве в районах одновременно создавались управы по решению Исполнительного комитета общественных организаций и Советы рабочих депутатов. Городская дума резко делилась на правых и левых. Сторонники конституционно-демократической монархии, представитель правого крыла, кадетов А.А. Кизеветтер был резко настроен против Челнокова, ему противодействовали и Советы... «Как-то получилось, – пишет П.А. Бурышкин, – что после революции Челноков сразу стал «несозвучен эпохе».

В марте 1917 года проходили очередные выборы московского городского головы, но от баллотировки М.В. Челнокову пришлось отказаться. Итоги деятельности М.В. Челнокова на посту московского городского головы были подведены в докладе Комиссии о пользах и нуждах общественных, прочитанном гласным Н.И. Астровым на заседании Московской городской думы 20 апреля 1917 года. В докладе отмечались выдающиеся дарования М.В. Челнокова, способность ясного понимания требований жизни, кипучая энергия, громадный опыт общественного деятеля. Коллеги подчеркнули, что в момент его пребывания во главе Городской думы, Московское городское управление оказалось «главным жизненным нервом тыла, тут сосредоточивались все заботы русской общественности о фронте, все усилия помочь армии в ее великом деле», что «Многочисленные препоны преодолевались благодаря административной способности, стойкости и силе характера М.В. Челнокова. Вспомнили о немецком погроме в Москве в мае 1915 года, который был, как известно, быстро ликвидирован благодаря решительному вмешательству Михаила Васильевича».

Отметив заслуги Челнокова, Дума решила поместить его портрет в Большом зале Московской городской думы. По просьбе М.В. Челнокова решено было вносить ежегодно в смету расходов Москвы начиная с 1918 года по 25 тысяч рублей на выдачу пособия работникам городского управления на лечение и воспитание детей». Этому пособию присваивалось имя М.В. Челнокова. Было решено также «вносить по 50 тысяч рублей на выдачу пособия в распоряжение Попечительного совета об увечных воинах». Это пособие тоже назвалось его именем. Имя Челнокова предложено было присвоить и одной из больших палат в сооружаемом в Москве Доме инвалидов.

Несмотря на огромные заслуги М.В. Челнокова перед Москвой, его основные противники – эсеры и эсдеки – всячески препятствовали его деятельности. Агрессивно настроенные по отношению к нему, они даже угрожали физической расправой. Поэтому М.В. Челноков в такой обстановке вынужден был отойти от дел. Последующие события привели к тому,

что он покинул Москву, сначала перебравшись в черниговское имение своей младшей дочери Татьяны (по мужу Барановской). Позже с ее семьей он переехал в Одессу. А, при отступлении Белой армии, на английском военном корабле покинул Россию. С 1919 года он жил в Сербии. Здесь помнили о поддержке и помощи, которые оказывала Москва и ее городской голова сербскому народу в годы Первой мировой войны. Его принял сербский царь Александр. М.В. Челноков возглавил комиссию по делам русских беженцев в Сербии, был одним из учредителей «Общества славянской взаимности» и заведовал всеми русскими школами, расположенными на территории этой страны. За свою самоотверженную деятельность он был удостоен сербским правительством ордена св. Саввы 1-й степени.

Как и другим русским людям, вынужденным эмигрировать, его семье нелегко жилось на чужбине. Удручали финансовые трудности, потери близких (в Берлине умер его зять А.А. Барановский, там же в 1925 году, оказавшись совсем без средств, покончил с собой его брат Ф.В. Челноков). Обострились старые болезни. В начале 1930-х годов он попал в больницу в Панчево под Белградом. Операции не приносили облегчения, он оказался прикованным к постели. За ним заботливо ухаживала жена, но, не выдержав напряжения и лишений, она умерла 22 января 1932 года. У Челноковых было четверо детей. Очень талантливой была младшая дочь Татьяна. Она училась живописи, сперва у В.Д. Поленова в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества, затем в Мюнхенской академии живописи. В семье Никулиных сохранился портрет Ф.В. Челнокова ее работы. В Панчево она расписала фресками местный храм.

После смерти матери два года бесменно находилась у постели отца одна из дочерей – Анна. М.В. Челноков скончался 31 января 1935 года. Он был похоронен рядом с женой на кладбище в Панчево. В Белграде похоронен и их сын Василий, умерший холостым. Из наследников Челнокова дети были лишь у младшей дочери – Татьяны, ее потомки ныне проживают в Канаде.

Литература

Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. Под ред. Н. П. Полторацкого. М.: 1993.

1. Бурьинский П.А. Москва купеческая. М.: 1990.
2. Никулина Л.Ф. Воспоминания. Рукопись частного собрания. Франция.
3. Романов Н.М. Вел. князь. Московский некрополь. Спб.: 1908. Т. 3.
4. Материалы для истории московского купечества. М.: 1887. Т. 5.
5. Челноков В.Ф. Воспоминания. Рукопись из частного собрания. Франция.
6. Справочная книга о лицах. М.: 1881.
7. Вся Москва. М.: 1899. 1908. 1915 гг.
8. Ненароков А.П. 1917. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. М.: 1977.
9. Алексеев Н.И. Пути моей жизни. Воспоминания. Рукопись из частного собрания. Москва.
10. Московская власть: городские головы (1782 – 1997).
11. Известия Московской городской думы – 1915. № 12.
12. ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 60. Д. 1146. Доклады Мосгоруправы за 1917 г.
13. Локкарт Р.Б. Мемуары британского агента. Лондон – Нью-Йорк, 1932.
14. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: 1974.
15. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления в 3 т. Т. 1. М.: 1987.
16. Юдин И.Ю. Воспоминания о моих предках и родственниках. Рукопись из частного собрания. Москва.

17. Бахрушины. Поколенная роспись / Сост. Филаткина Н.А., Преображенская И.С.
18. *Семина Е.А.* Воспоминания. Рукопись из частного собрания. Москва.
19. *Сабашников М.В.* Записки. М.: 1995.
20. *Рябушинский М.П.* Цель нашей работы. М.: 1916.
21. *Щапов Н.М.* Я верил в Россию. Семейная история и воспоминания. М.: 1998.
22. История Москвы. Хрестоматия в 4 т. – Т. IV: Столица России и Советского государства (1914 – 1991) / Сост. М.М. Горинов. М.: 1997.

Николай Митрофанов. Гамбит доктора Кишкина. Николай Михайлович Кишкин

Свойство Кишкина, ставшее для него правилом его работы, формулировалось в таком чеканном положении: торопись делать! Не откладывай дела на завтра! Делай сегодня, сейчас! Нужно торопиться – дела много, времени для дела мало! И он все время был в деле.

Н.И. Астров

Николай Михайлович Кишкин.

29.11.1864 – 16.03.1930.

На вершине московской власти с 06.03 по 25.09.1917

На Арбате было два доктора Кишкина. От одного остался рецепт в медицинском музее. От другого ничего не осталось. Неужели в огромной Москве способно сгнать без остатка абсолютно все, рассказывающее об известном когда-то человеке, включая память о его добрых делах, долго передаваемую изустно?

Нет, это была птица совсем другого полета! И где-то наверняка есть эти самые настоящие, а не какие-то фальшивые и уже встречавшиеся свидетельства о взлетах и падениях Николая Михайловича Кишкина. Место им не рядом с анамнезами, рецептами и записями температур. Они – самые что ни на есть вещественные доказательства его незаурядного бытия.

И я побрел по его почти призрачным следам.

Дело поисков шло сначала медленно, и временами даже подступало желание свернуть работу. Останавливало сделанное: какие-то зацепки состоялись, терять их было жаль. Да, часто добывание истины требует жертв. За каждый новый небольшой шаг, ведущий к достоверным итогам (или к отрицательным результатам, что тоже порой, не менее важно) приходится иногда платить втрое, вчетверо дороже.

Кто-нибудь слышал хоть подобие объективного рассказа о его верховном комиссарстве в Москве после февральской революции 1917 года? Или о его громаднейшей роли в организации всероссийской помощи раненым и больным воинам в период Первой мировой войны? Не осталось после Николая Михайловича личного архива. То ли уничтожен, то ли осел фрагментами в неких «особых папках». Рассеялись его родственники. А может быть, затаились? Кто были его прямые потомки, где дети его детей? В каком обличье существует у них память о предке?

Есть и другие каверзные вопросы, и тревожащие мысли, которыми можно озадачить читателя, чтобы он проникся желанием не только узнать факты жизненной эпопеи Кишкина, но и извлечь из них какие-то выводы для своей жизни. Однако, потерпите немного. Давайте, в меру поспешая, перейдем к библиотечным шкафам и архивным полкам.

Николай Михайлович Кишкин родился в Москве 29 ноября 1864 года. Детство он провел в родовом имении на Тамбовщине. Один из его ближайших родственников, Николай Владимирович Кишкин был крупным землевладельцем губернии и жил в селе Оржевка Кирсановского уезда. В его усадьбе хранилось немало документов по истории семьи. Среди них были также старинные грамоты. Как считается, род дворян Кишкиных восходит к XIV веку. В роду были стольники, стряпчие, воеводы, другие «начальные люди». «Российскому престолу служили дворянские службы в разных чинах» – записано в Департаменте герольдии.

Годы учебы Н.М. Кишкина протекали в Москве. Сначала в Первой московской гимназии, куда его отдали в 10-летнем возрасте, а затем в Московском университете, который он окончил в 1889 году. Образование стало его крепкой интеллектуальной основой.

Он поступает сразу же по завершению курса ассистентом к профессору Александру Александровичу Корнилову, который держал собственную лечебницу. Вчерашнего студента весьма интересует гидротерапия, наука старая и вместе с тем новая.

Водолечение, по мнению недавнего студента, один из могущественных терапевтических агентов, которые совершенно напрасно так мало употребляются терапевтами. Недавний выпускник университета высказал при этом пожелание, чтобы гидротерапия преподавалась будущим врачам.

Осваивая специальность, Николай Михайлович берется за скрупулезный анализ результатов лечения различных нервных расстройств в клинике А.А. Корнилова. Как сотрудник известной лечебницы Приарбатя и искушенный врач-невропатолог, Н.М. Кишкин начинает пользоваться популярностью. В 1895 году он открывает собственную лечебницу. Ее метамор-

фозы таинственны, однако развивается она хорошо. В десятых годах XX века Н.М. Кишкину начинает принадлежать бывшая лечебница А.А. Корнилова, находящаяся в собственном доме профессора в Нижнем Кисловском переулке. Сам новый владелец живет на Малой Молчановке в доме № 4. Во время мировой войны, переехав в квартиру № 3 по Большой Молчановке, 12, Кишкин называет этот адрес в качестве координат самой водолечебницы, одновременно являющейся и электросветолечебницей. Устроенное Кишкиным лечебное заведение слывет образцовым. При нем есть и отменная «санатория». Пациенты едут отовсюду.

Становясь известным, Кишкин обрывает связи, его привечают во многих домах. В либерально-буржуазных кружках он познает проблемы ближайшего будущего страны. И в это время открывается целый массив его очень важных качеств. Оказывается, Николай Михайлович редко умеет сочетать большую работу практикующего врача с напряженной общественной работой. Недостатка в заданиях не было. Помощь хворым, неимущим, организация сбора средств в пользу голодающих, погорельцев, пострадавших от стихийных бедствий. И это далеко не полный перечень. Организационный талант Кишкина весьма заметен на рубеже веков. Он активно помогает комиссиям Московской городской думы, занимающимся проблемами здравоохранения и санитарии. В 1905 году его избирают гласным Московской городской думы. Тогда же он становится одним из основателей партии конституционалистов-демократов (партии Народной Свободы) и членом ее центрального комитета.

«Я живо помню эту работу, – писал москвич Н.И. Астров, – и блеск его организационного таланта. В периоды действия, когда партия должна дать минимум ее напряжения, Кишкин был незаменим. Он был истинным стратегом, вырабатывающим план кампании и проводившим его в жизнь. Его распоряжения, исполнявшие директивы Центрального комитета партии, захватывали всю страну. Но и в период затишья, кажущегося бездействия, он непрерывно вел работу, напоминая всем, что политическая партия должна жить все время и проявлять себя на политической арене не только во время выборов. Только постоянной работой она может войти в жизнь страны и стать необходимой народу. Это был организатор крупного калибра и в своей жизни он выполнял большую творческую работу».

1914 год был для Николая Михайловича вдвойне юбилейным. Ему исполнилось 50 лет, из них ровно половина была отдана врачебной деятельности в Москве, но его личные планы сломала начавшаяся Мировая война.

В первые ее дни он находился за границей. Одолев, ставший безумно опасным, путь из европейского далека, Кишкин появляется в Москве. Тут уже кипит работа по созданию невиданной организации – Всероссийского союза городов. Ему нравится идея объединить русские города вокруг дела помощи больным и раненым воинам. Судя по всему, их число в ближайшем будущем явно грозит выйти за пределы самых пессимистических предсказаний. А ему ли не знать, на какие врачебные силы они могут рассчитывать. Волны беженцев, несущие эпидемии, неизбежный разгул разных болезней – это тоже вполне прогнозируемые сюрпризы войны? Николай Михайлович в восторге от того, что мысль создания Союза городов возникла в Москве и что его друзья сразу подумали о его привлечении к делу. Да и как, в самом деле, можно было представить себе такое начинание без моторного Кишкина, мало того, что специалиста, но еще и прекрасного организатора?

Организационный съезд ВСГ, состоявшийся в белокаменной столице в начале августа, открыл дорогу целенаправленной работе на местах. Свою поддержку ей пообещал Николай II. В своем деловом рвении основные законопершики предприятия вскоре совершили, казалось бы, невозможное. Под флаг Красного Креста, поднятый над союзом, встали 305 городов Европейской России, Кавказа, Сибири, Финляндии, Царства Польского и Прибалтийского края. Появились областные организации: Московская, Петроградская, Харьковская, Орловская, Курская, Киевская, Кавказская.

Первым руководителем Всероссийского союза городов стал московский городской голова М.В. Челноков. Официально его именовали «Главнуполномоченным». Н.М. Кишкин стал его правой рукой – заместителем Главнуполномоченного. К тому же он был Председателем Исполнительного бюро Союза. И вот это уже была очень серьезная должность. Она позволяла повседневно оказывать колоссальное влияние на развитие связей центра с местами, тыла с фронтами.

К концу 1914 года Всероссийский союз городов – эта весьма непривычная, но уже основательно вставшая на ноги всероссийская структура была удостоена новых монарших знаков внимания. В 9 часов вечера 10 декабря состоялся высочайший прием представителей организаций Союза в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. М. В. Челноков преподнес Николаю II обзор деятельности Союза в роскошной, художественно выполненной папке. Затем он и Н.М. Кишкин повели царя по специально устроенной выставке. Надо полагать, тому было неинтересно вникать в замысловатые диаграммы и графики, отражающие юную пору Союза. Но зато он очень оживился, когда на его вопросы стал отвечать Н.М. Кишкин.

Царю показали великолепный набор хирургических инструментов, изготовленный умельцами села Павлова Нижегородской губернии, которое славилось уникальными произведениями кустарной металлообработки. Николай II был изумлен совершенным видом идеально отшлифованных изделий, рожденных в глухом приволжском краю. Кишкин еще более удивил его, подчеркнув, что специалисты считают эти вещицы ничем не уступающими тем заграничным образцам, глядя на которые наши «левши» ковали свои щипцы и ланцеты.

С самого начала Кишкин и близкие ему функционеры-медики твердо придерживались линии: ВСГ не должен снижать усилий по устройству лазаретов, питательных и перевязочных пунктов, госпиталей, складов теплых вещей, одежды, белья, медикаментов. Ибо война до победы, очевидно, продлится долго. И выиграть ее, избегая ненужных потерь, надо по-настоящему организованно, не распыляя бездарно собранные средства, поддерживая здоровье народа на возможно более высоком уровне.

О масштабах деятельности ВСГ, в руководстве которого Н.М. Кишкин наряду с другими московскими общественными деятелями несколько лет занимал одно из ключевых мест, можно при желании узнать многое. Вплоть до конца 1917 года издавались многочисленные известия, бюллетени и вестники Всероссийского союза городов, проводились его съезды, доклады на которых были отнюдь не секретными.

Осенью 1915 года Н.М. Кишкин посещает районы боевых действий. Отступление русских войск вызывает массовый исход беженцев. Картины трагической безысходности на его глазах по воле коллег из Союза городов выправляются, и Кишкин радуется хоть малой лепте, которую ему удастся внести в дело урегулирования разных конфликтов.

В начале сентября 1915 года Кишкин докладывает III съезду ВСГ, что на его средства содержатся почти 56 тысяч коек. Тем не менее, требуется быстрое расширение лазаретов. Вторую половину июля и весь август 1916 года Николай Михайлович отдает поездкам на фронты.

Густая сеть учреждений Союза городов предстала перед ним во всей своей мощи и недостаточной эффективности. Парадоксальность увиденного от берегов Балтики до границ с Румынией, тем не менее рождала больше положительных эмоций. Союз все может! Эта мысль постоянно сопровождала его во время появлений на Северном, Юго-Западном, Западном и Кавказском фронтах. Подтверждением тому были громадные запасы накопленных материалов и продовольствия. Не было такой отрасли врачебно-санитарного дела, в которой Союз был бы пассивен. Его функционеры не отказывались от выполнения самых тяжелых заданий командования.

Н.М. Кишкин в годы войны проходит громадный университет государственной работы, превращается в конструктивно мыслящего российского деятеля, способного к выработке гибких решений в оборонно-технических, снабженческих и медико-санитарных сферах, да поз-

волено будет, так сказать. Он воплотился в фигуру, которой общественность могла доверять, к чьим словам прислушивалась. Его восхождение, как деятеля новой формации, во многом обязано таким личным качествам, как трудолюбие и порядочность. Он был живой душой Союза городов, «живым, бьющимся сердцем Союза», как его называли в 1917 году, когда он покидал работу на своем посту.

Осенью 1916 года перед коллегами Н.М. Кишкина по московскому городскому управлению с особой остротой встала проблема новых выборов в Московскую городскую думу. Полномочия думы истекали 31 декабря 1916 года. На следующее четырехлетие предстояло избрать ее состав в количестве 160 человек гласных и не менее 32 кандидатов.

Вопрос об «избирательном производстве» загодя обсуждался в Московской думе. Конечно, военное время неблагоприятно для выборов, считали многие из депутатов. Однако, правительство не прислушалось к их мнению о целесообразности переноса даты выборов.

Поневоле приступив к подготовке выборов, Московская дума стала глубоко продумывать концепцию будущего развития города. Прогрессивно настроенные депутаты вместе с Кишкиным сходились на том, что Первопрестольная столица, как исторический центр России и город мирового значения должна расти «не случайно, а в определенном продуманном плане, который должен привести в благоустроенное состояние нынешние окраины города, сделать пригороды благоустроенными его частями и приготовить пространства для застройки».

Настрой различных групп избирателей, их конкретные наказы были хорошо известны Н.М. Кишкину, который вновь выдвинул свою кандидатуру на выборы в Городскую думу. В предвыборных выступлениях он заявляет, что, расстроенное за годы войны хозяйство России, требует ввести в Думу людей с жизненным опытом и хозяйственными познаниями, знающих Москву и ее проблемы. Избиратели опять отдали голоса Кишкину. А его соперники из лагерей умеренных и правых оказались у разбитого корыта, потеряв немало мест. Даже такой столп, как Н.И. Гучков, в течение двух четырехлетий занимавший пост городского головы, не прошел в число гласных.

Москва стремительно включилась в революцию. Как только 27 февраля в город пришли вести о беспорядках в Питере, Кишкин попросил членов различных общественных организаций собраться у него в узком кругу – человек 25-30, чтобы обсудить возможность «более компактного слияния». На призыв Кишкина откликнулись и представители рабочих. Идея некой революционной кооперации, способной консолидировать силы, жаждущие преобразований, вылилась в создание Комитета общественных организаций Москвы (для удобства применим сокращение: КОО). Кто были его учредители? Организации цензовые – члены городской думы и земства; демократические – кооператоры, учителя, приказчики, люди творческих профессий, инженеры и др.; организации рабочие – профсоюзы, делегаты заводов и фабрик. Всего 150 человек. Представительство было равным.

В обстановке чувствовалось напряжение. Какую линию будут вести представители цензовых? Понимают ли они, что надо развивать самоуправление, укреплять единство общества для защиты революции? Кишкин, предвидя такой поворот разговора, советуется с друзьями. Заручившись их поддержкой, он выступает на заседании и произносит горячую, полную пафоса речь.

«Он говорил, что до сих пор был убежденным конституционалистом – в стране монархии. Эта монархия, по его глубокому убеждению, исчерпана до самого дна, она изжила себя, она не свергнута силой, она пала от внутренней гнилости всего аппарата. Это определяет нашу позицию – позицию людей, принимающих республику не потому, что в этой форме заключены все блага, а потому, что российская монархия оказалась неспособной к развитию, к демократической эволюции. И потому – «я отныне республиканец, буду отстаивать эту форму в моей партии и буду честно служить новой здоровой демократической республике», – писала потом Е.Д. Кускова. – Речь была принята с исключительным энтузиазмом. Кишкин весь дрожал от

напряжения и волнения. Его окружили, жали ему руки. Лозунгом республики он спаял собрание».

Выборы прошли гладко, дружно, с большим подъемом. Решили избрать два органа: законодательный и исполнительный. Председателем первого был избран кооператор С.Н. Прокопович. Его кандидатуру предложили и поддержали рабочие кооперативы и профессиональные союзы. Председателем второго, комиссаром города Москвы был единогласно избран Н.М. Кишкин. Он и занял место правителя Москвы в Белом доме – бывшей резиденции генерал-губернатора.

До чрезвычайности быстро создал он гибкий административный аппарат: «Ник. Мих. был прекрасным техническим администратором. Его слушались, он умел «навести дисциплину», и вся его импозантная, красивая фигура внушала «уважение к власти». Москва перешла к своим повседневным очередным делам – без хулиганства и без анархии», – вспоминала Е.Д. Кускова.

В Городской думе на Вознесенской площади был избран Исполнительный комитет новой организации из 15 человек. Вскоре при исполкоме стали действовать несколько крупных комиссий (по надзору за промышленными предприятиями, по железнодорожному узлу и пр.). Одновременно в Думе организовался и Совет рабочих депутатов. «Таким образом, Городская дума стала цитаделью Московской революции», – не без гордости говорил Николай Михайлович.

После избрания Председателем Исполкома КОО Н.М. Кишкин стал, в сущности, главой правительства Москвы. Но, отнюдь не «комиссаром города Москвы», как утверждает Е.Д. Кускова. Причем, руководителем он был в силу обстоятельств не признанным официально. Дело в том, что в ночь на 2 марта согласно телеграфному предложению председателя Государственной думы М.В. Родзянко московский городской голова М.В. Челноков принял на себя обязанности Комиссара по Москве и московского Главноуполномоченного по продовольствию. Однако, после образования Временного правительства, роли высших руководителей в Москве определились иначе. Кишкин был 6 марта утвержден Временным правительством в качестве его комиссара «для Москвы», ему была предоставлена вся полнота власти в ней. Таким образом, он фактически унаследовал функции градоначальника. М.В. Челноков стал по-прежнему считаться городским головой, коим оставался до конца марта 1917 года.

Ветер свободы, весна революции!

С 1 марта заработало бюро помощи освобожденным из Бутырок и Таганки политическим заключенным. Они прибывали на Воскресенскую площадь в арестантских куртках и шапках со своими тощими узелками. Когда их число перевалило за триста, их стали размещать по лазаретам, общежитиям и частным квартирам, снабжая одеждой, деньгами и продовольствием. Но все это было только началом невиданной круговерти, в центре которой оказался Н.М. Кишкин. В работу, беспрецедентную по накалу страстей и партийных борений, Кишкин бросился со всем пылом. Пока не осознавая, наверное, сколько же на возглавляемый им Исполком КОО свалилось тяжелых забот, он обращался 2 марта 1917 года к москвичам, поставив во главу угла один вопрос. Но зато самый актуальный, самый взрывоопасный:

«Граждане!

Свободной России рухнувший старый строй оставил в наследие развал во всем, а прежде всего, в продовольственном деле.

Необходимы дружные организованные усилия всего населения – только все вместе мы можем сладить с этой бедой.

Граждане! Вы знаете, что война требует ограничения.

Завоевание свободы требует также готовности к лишениям общим, совместным.

Хлеба и провианта только тогда хватит на всех, когда мы все организованно и разумно будем ограничивать свои потребности.

Комитетом приняты все меры к обеспечению доставления продовольствия.

Мы должны воззвать, все же, ко всем гражданам Москвы с призывом терпеливо относиться ко всем лишениям настоящего тяжелого времени.

Карточная система на хлеб должна быть сохранена.

Прежние карточки старой власти сохраняют свою силу».

Николай Михайлович мужественно принял груз прошлого на свои плечи. С несколькими помощниками он срочно разрабатывает основные «продуктовые» темы. Первый результат – 26 пунктов приказа председателя Исполкома КОО Н.М. Кишкина «О распределении и продаже населению хлеба и муки». В заключительных строках явно непопулярные цифры: суточный паек москвича – 1 фунт хлеба или 3/4 фунта муки (в октябре 1917 года будет вдвое меньше). Аршинными буквами в московских газетах пропечатаны подписанные Кишкиным таксы на пшеничную и ржаную муку, на мясо и хлеб. Этот прејскурант необходим всем, поскольку недобросовестные торговцы уже начали поднимать цены.

Упорно продолжается соби́рание влиятельных общественных сил, выделяющихся численностью, прочностью связей с населением. Желющие быть «при деле», идут в КОО валом. Но принимают далеко не всех. Отложен прием Московского медицинского общества, Московского комитета глухонемых, Общества духовных певцов, ряда промышленных Обществ, Союза кустарных артелей, Московского славянского комитета – всего на май 1917 года – 171 абитуриента.

Кишкин считает Исполком КОО «революционной организацией, которая из хаоса переходит в организационную форму». Поэтому он стремится быстрее наладить взаимодействие новоиспеченного московского правительства с центральной властью в северной столице. Помогает визит министра юстиции А.Ф. Керенского. 7 марта тот сидит рядом с Н.М. Кишкиным на чрезвычайном собрании Московской городской думы. Пафосная речь министра нравится Кишкину и аудитории. Тот приехал «поклониться Москве и в ее лице всему русскому народу» и заявить, что «все силы и жизнь нашу мы отдадим на то, чтобы власть, временно врученную нам народом, бережно донести и вручить единому полновластному верховному органу народной власти – Учредительному собранию. Просим поддержки и помощи!».

Переговоры с Керенским обнадеживают. Петроград готов помочь. Но чем и когда – неясно...

Тем временем заботы захлестывают новое московское правительство. Его чрезвычайно волнует с первых дней революции проблема, как не допустить какого-нибудь случайного кровопролития. Однако Кишкин сразу заявляет, что от вчерашней полиции помощи ждать не надо: «Старый полицейский аппарат никак не может быть оставлен и должен быть моментально распушен».

Переход к милиции очень занимает Кишкина. Город разбивается на 48 «милиционерных участков». На начальника милиции А.М. Никитина возлагается строгое обеспечение порядка, задержание пьяных, грабителей, поджигателей, погромщиков. Для сохранения мирного уклада жизни нужен новый гражданский правопорядок. Московская власть в лице Кишкина обращается к жителям с просьбой выбирать своих представителей – помощников участковых милицеских комиссаров. Требуется новое территориальное деление. Но на первых порах ничего лучшего не придумывают, как поделить город на районы, состоящие из территорий одного или двух бывших полицейских участков.

Комитет московских общественных организаций в первые месяцы революции соби́рался в среднем раз в три дня. Общие собрания, кипевшие так часто новыми вопросами и радикальными предложениями, «заряжали» Кишкина невиданной энергией. В центре революционного столкновения он стремится отыскать ту дорогу, на которой его новый статус будет достойным пропуском в будущее и на которой его никто не упрекнет в том, что он человек вчерашнего дня. Левые социалисты пока ведут себя осмотрительно, они склонны сотрудничать с новым

правительством, далеки от демагогической критики всех и вся, призывов грабить награбленное, антивоенной оголтелости, не требуют категорически «замирения с германцем». Тем не менее, под боком у КОО завелся шустрый проказник – Совет рабочих депутатов, уже заявляющий о претензиях на власть, а для разминки, захвативший ряд просторных помещений в генерал-губернаторском доме на Тверской улице. Кишкин со своими помощниками вынужден довольствоваться флигелем в Большом Чернышевском переулке (сейчас Вознесенский – переименованная улица Станкевича), где раньше ютилась какая-то канцелярия. Но, тем не менее, он, как борец за общественный прогресс и свободу народа старается быть на высоте задач новой эпохи, прислушивается ко всем, кто хочет перестраивать старый мир. В числе важных решений КОО – заявления о недопустимости оставления монархической власти в России до Учредительного собрания, о равенстве перед законом всех граждан без различия национальности и вероисповедания. Как глава исполнительной власти, Кишкин подписывает ежедневно немало документов. Основные – в виде приказов, а также обращений к населению – печатаются в газетах.

Относительно мирное течение революции побуждает Кишкина обратить свое руководящее внимание и на культуру. 13 марта он приказывает всем правительственным учреждениям Москвы, имеющим старинные портреты лиц, принадлежащих к дому Романовых, направить их в Исторический музей, «где они будут обследованы с точки зрения художественной ценности». Впрочем, это отнюдь не максималистское пожелание. Кишкин попутно обращает внимание владельцев, что «некоторые из произведений искусства могут представлять значительный художественный интерес и поэтому с ними надо обращаться бережно». Любопытно, что свою лепту туда вносит и М.В. Челноков, ведущий переговоры с собственниками владений, подлежащих отчуждению для постройки «Дворца Революции», затраты на сооружение которого высчитаны в объеме 55 миллионов рублей. Еще одна ипостась российской истории в это время проявляется подлинно революционным способом. Заработала комиссия по разбору архивов «политических дел». В ее распоряжении – уцелевшие папки и картотеки вчерашних органов охраны и сыска. Началось установление по ним тех, кто при старом строе занимался осведомительной деятельностью и провокаторством (то есть, стукачей и агентов). Работают добровольцы, в числе которых писатель-арбатец Михаил Осоргин, историк Василий Сторожев и другие. Президент Исторического музея князь Николай Щербатов предоставил возможность спешно собирать в читальном зале музея архивные дела.

Корчась в родовых муках революции, мечась по митингам и очередям, Россия пыталась сорганизоваться, узнать самое себя. Повсюду стремились освоить новый общественный опыт, фразеологию, избежать анархии и потери управления. Какими путями идти?

Москва с ее революционным многоцветьем и эйфорией была теперь не таким городом, как раньше. Очевидно, свои новые трудности были и у ее соседей. Н.М. Кишкин предлагает собрать в Москве экстренное совещание представителей губерний Центральной России. На него прибывают десятки авторитетных деятелей.

Под председательством Кишкина совещание открылось в комиссариате градоначальства 28 марта 1917 года. Приветствие Николая Михайловича прозвучало приподнято. Он сказал, что рад многочисленным гостям свободной Москвы – свободным гражданам, которым предстоит устраивать новую русскую жизнь. «Мы не ошиблись, полагая, что Москва является тем центром, к которому тяготеют все ближние губернии», – говорил Кишкин.

Подробно рассказав об организации власти в Москве, Кишкин подчеркивал: «Все наше управление здесь исходит от Исполнительного комитета и меня, как председателя Исполкома и комиссара Временного правительства». Кишкин отнюдь не хвастался, не выпячивал самолюбиво свою роль. Ему искренне хотелось облегчить жизнь тем, кто в хаосе перемен хотел понять, как решать злободневные задачи, в какой форме и каким потенциалом. Вот таким был комиссар Москвы в марте 1917 года! Кишкин толкует коллегам из провинции важные вещи:

как налаживать правильные взаимоотношения с правительством, как торопиться с милицией. Он считает актуальным провести демократические выборы в городские и земские управления.

Своих немногочисленных сотрудников Кишкин наставляет: „новый орган исполнительной власти целиком отвечает за обширное городское хозяйство, продовольственное дело, поддержание порядка в городе, смену старых должностных лиц». Ничего удивительного. Надеяться не на кого! Хотя, вскоре Московский совет рабочих депутатов и накачает политические бицепсы, взяться за земные муниципальные заботы его активисты не захотят. Куда как проще заявлять, что они не возражают против того, чтобы всей прорвой дел по жизнеобеспечению Москвы занимался Кишкин с его исполкомом КОО. А учиться-то надо было. Впрочем, и работать тоже. Иначе не погрязла бы Москва потом в диком скопище нечистот и мусора.

Отменив прежний строй, негоже было пользоваться его законами. И Кишкин стремится побыстрее заменить в Москве прежние правовые установления.

Идущие косяком первые начальственные бумаги, подписанные Кишкиным и рядом новых должностных лиц, вызвали некоторое волнение в Москве, а, может быть, и непонимание. Кишкин прибегает к самому честному способу убеждения – он опять напрямую обращается к москвичам.

«Не надо забывать, граждане, что новая власть существует всего 2 недели, что в первые дни она должна была исключительно заниматься неотложными задачами возможно полной ликвидации старого строя и его слуг, – писал Н.М. Кишкин. – Теперь эта задача до некоторой степени выполнена, но стоит еще более сложная и более важная задача создания новых учреждений, отвечающих интересам и запросам всего народа на месте прежних разрушенных чиновнических органов власти. На осуществление этой задачи требуется время. Нельзя в полмесяца создать заново то, что в обычное время строится веками и десятками лет.

Граждане! Вы произвели величайшую в мире революцию. Это Вы, весь русский народ, низложили английского монарха Европы и открыли России широкую дорогу к лучшему светлему будущему. Это Ваша заслуга, что Россия стала в ряду самых цивилизованных стран мира. И все это Вы совершили, проявив изумительную дисциплину, благородство и выдержку.

Призываю Вас и в дальнейшем к САМООБЛАДАНИЮ! Временно, на короткое время, ограничив свои потребности, дайте Правительству возможность создать условия лучшего существования для Вас и помогите ему в организации новых учреждений.

Комиссар по г. Москве *Н. Кишкин*».

Разногласия и претензии не позволяли обрести нормальную власть в городе. Современники пишут о «мукe власти без власти». Уговаривать и убеждать было месяц от месяца сложнее. С некоторыми людьми общий язык найти было чрезвычайно трудно. Кишкин откровенно говорил друзьям, что, когда ему надо сговариваться с Советом рабочих депутатов, он предпочитает говорить с убежденным большевиком Смидовичем, чем с «кооператором» Л.М. Хинчуком, бегающие глаза которого действовали ему на нервы. И это говорил специалист по нервным болезням!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.